

1922

Отель «Магнолия»

г. Омаха, штат Небраска

ВСЕМ, КОМУ ЭТО ПОКАЖЕТСЯ ИНТЕРЕСНЫМ:

Меня зовут Вилфред Лиланд Джеймс и это мое признание. В июне 1922-го года я убил свою жену, урожденную Арлетт Кристина Винтерс Джеймс, и спрятал ее тело на дне старого колодца. Мой сын, Генри Фриман Джеймс, помог осуществить преступление, хотя в свои 14 лет он не мог нести ответственности за содеянное. Я обманул его, играя на его страхах, подавляя его вполне здравые возражения в течение двух месяцев. Именно об этом я сожалею больше, чем об убийстве, которое было совершено по причинам изложенным далее.

Причиной толкнувшей меня на преступление и вечные муки были сто акров добротной земли в местечке Хэмингфорд* в штате Небраска. Они достались моей жене по наследству от ее отца, Джона Генри Винтерса. Моим желанием было присоединить эти земли к нашим фермерским владениям, насчитывающим в 1922-м году восемьдесят акров. Но моя жена, которая раньше не жила на ферме (и никогда не бывала замужем за фермером), захотела избавиться от наследства, продав землю за наличные компании «Фаррингтон». Когда я спросил ее, захочет ли она, в таком случае, жить с подветренной от скотобойни «Фаррингтон» стороны, она ответила, что мы могли бы продать ферму (ферму моего отца!) так же выгодно, как и бывший участок ее отца, да, к тому же еще и быстрее.

А когда я поинтересовался, что мы будем делать с деньгами, не имея земли, она предположила, что можно было бы переехать в Омаху или Сент-Луис и открыть там магазин.

* – примечание смотри в конце текста.

Я никогда не буду жить в Омахе, – сказал я. – Города – для идиотов!

Конечно, это звучит иронично, особенно если учесть где находится мое пристанище сейчас, но я не собираюсь оставаться тут надолго. Я знаю это также хорошо, как и то, кто именно издает звуки внутри стен. И я точно знаю, куда попаду, когда моя земная жизнь подойдет к концу. Очень удивлюсь, если ад окажется хуже Омахи. Возможно, этот город и есть ад, поблизости которого нет ни одного приличного клочка земли, где в воздухе клубятся дым и удушающая тошнотворная пустота, полная таких же заблудших душ, как и моя собственная.

Мы ссорились из-за этих несчастных ста акров в течение зимы и весны 1922-го года. Генри подключался к нашим спорам где-то в середине и, как правило, принимал мою сторону. Он уважал мать за ее взгляды на жизнь, меня – за любовь к земле. Он был послушным парнем, в котором не было ничего от высокомерия его матери. Снова и снова он повторял ей, что у него нет никакого желания жить в Омахе или любом другом городе и что он согласится на это только в том случае, если она заключит со мной соглашение, к которому мы никак не могли прийти.

Я думал обратиться к Закону, будучи уверенным, что любой суд позволит мне, на правах мужа, решать как использовать эту землю. Но что-то удерживало меня от этого шага. Дело было не в соседских сплетнях, плевать я на них хотел. Было что-то еще. Видите ли, я стал ненавидеть ее. Я стал желать смерти Арлетт. Именно это желание не дало мне решить наш спор законным путем.

Я верю, что внутри каждого человека сидит еще один, незнакомец, потворствующий первому. И я также верю, что в марте 1922-го года, когда небеса над Хэмингфордом были ясными, а снег на полях вокруг начал таять, Потворствующий Человек внутри фермера Вилфреда Джеймса уже вынес приговор моей жене, решив тем самым ее судьбу. К тому же, это был смертельный приговор. В Библии говорится, что неблагодарный ребенок острее змеиного жала, но ворчливая и неблагодарная жена куда острее этого.

Я не чудовище, я пытался уберечь ее от Потворствующего. Я сказал ей, что если мы не придем к соглашению, то она сможет поехать к своей маме в Линкольн, что в шестидесяти милях к западу - приличное расстояние для разлуки, которое к тому же никак не скажет окружающим об их разводе, а только намекнет на некоторое охлаждение в отношениях.

И, я полагаю, оставить земли моего отца тебе? – ответила она, вскинув голову. Как же я ненавидел этот дерзкий взмах головой, как у необъезженной лошади, и короткое фырканье, следующее за ним. – Этому не бывать, Вилф.

Я говорил ей, что мог бы выкупить ее земли, если она настаивает. Правда это заняло бы у меня восемь, может быть даже десять лет, но я бы выплатил ей все до последнего цента.

Постоянно получать немного денег даже хуже, чем не получать их вовсе, – отвечала она (снова фыркающая и взмахивая головой). – Это то, что известно любой женщине. «Фаррингтон» заплатят сразу, к тому же более щедро, чем ты. И я не собираюсь жить в Линкольне, ведь это даже не город, а деревня, где церковью больше чем домов.

Теперь вы видите, в какую ситуацию я попал? Понимаете, в какое положение она меня поставила? Могу ли я рассчитывать хотя бы на частичку вашего сочувствия? Нет? Тогда слушайте дальше.

В начале апреля того же года, восемь лет назад, насколько я помню, она пришла ко мне вся сияющая от счастья. Она провела большую часть дня в «салоне красоты» в МакКук и ее новые большие кудри напомнили мне рулоны туалетной бумаги, которые можно найти в любой гостинице или отеле. Она сказала, что у нее есть идея, согласно которой мы должны продать сто акров земли вместе с фермой компании «Фаррингтон». Она верила, что они купят все это чтобы получить землю ее отца, находящуюся рядом с железнодорожными путями (и возможно она была права).

Затем, – сказала эта нахальная мегера. – Мы можем поделить деньги, развестись и начать новую жизнь отдельно друг от друга. Мы оба знаем, что это как раз то, чего ты хочешь.

Как будто она сама этого не хотела.

О, – ответил я (как будто она подкинула идею для серьезного размышления). – А с кем же из нас останется наш парень?

Со мной, разумеется, – сказала она с широко открытыми глазами. – Мальчику четырнадцати лет необходимо быть с его матерью.

Я начал «обрабатывать» Генри в тот же день, рассказав ему последний план его мамочки. Мы расположились у стога сена. Я принял свое самое грустное выражение лица и говорил своим самым печальным голосом, рисуя возможную картину его жизни, если его матери удастся осуществить этот план: как у него не будет ни фермы, ни отца, как он окажется в новой намного большей школе без своих друзей (большинство из которых он знал с младенчества) и ему придется бороться за место среди незнакомцев, которые будут смеяться над ним и называть его деревенщиной.

С другой стороны, сказал я, если мы сможем удержать земли, то сможем выплатить долг банку к 1925-му году и зажить счастливо, дыша свежим чистым воздухом, будучи избавленными от вида свиных кишок, проплывающих вниз по нашему чистому ручью от рассвета до заката.

А теперь скажи, чего ты хочешь сам? – спросил я его, описав ему эту картину во всех подробностях какие только смог помыслить.

Остаться здесь с тобой, папа – сказал он. Слезы лились ручьем по его щекам. – Зачем ей надо быть такой... такой...

Продолжай – произнес я. – Слово правды не может быть ругательством.

...Такой сукой!

Потому что, большинство женщин такими и являются, – сказал я. Это неискоренимая часть их природы. Вопрос только в том, что мы будем с этим делать...

ПРИМЕЧАНИЕ:

Хэмингфорд или Хэмингфорд-Хоум (Hemingford) – один из крупных сельскохозяйственных центров на северо-западе штата Небраска. На 1997-й год численность населения составляла всего 924 человека.

Подробнее о городе можно прочесть на сайте <http://www.ci.hemingford.ne.us/>.

Упоминание о Хэмингфорде встречается в произведениях С. Кинга как минимум дважды:

1. Это родной город Абигейл Фримантл (или Матушки Абигейл) из романа «Противостояние» (The Stand, 1978). Цитата (перевод «Кэдмэн», 1999):

«Время пребывания ее здесь, в Хэмингфорд-Хоум, подходило к концу, а последнее ее дело ждало ее на западе, неподалеку от Скалистых гор. Он заставил Моисея взбираться на горы, а Ноя – строить ковчег. Он видел Своего собственного Сына распятым. Так неужели же он будет обращать внимание на то, как отчаянно боится Эбби Фримантл человека без лица, который крадется за ней в ее снах?»

2. В романе «Оно» (It, 1986) есть следующие строки (перевод С. Леднева):

«В Хэмингфорде деловая часть состоит всего из восьми зданий, пять — на одной стороне и три — на другой. Среди них парикмахерская с пожелтевшей за пятнадцать лет вывеской, сделанной от руки: «Хипов не обслуживаем. Пусть стригутся и бреются в другом месте», заштатный дешевый кинотеатр, отделение банка Небраски, бензоколонка, аптека и магазин «Скобяные изделия для фермеров» — единственное торговое дело, еще не захиревшее в городке.

В конце главной улицы, несколько в стороне от других строений, на краю большого пустыря, одиноко стояла придорожная закусочная «Красное колесо». Если бы после долгих странствий вы добрались до этого вождленного места, то увидели бы утопающую в грязи, изборожденную рытвинами автостоянку, где стоит старенький «кадиллак» с двойными антеннами».

КАРТА ШТАТА НЕБРАСКА

